КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Ноября № 21. 1863 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ЦЕРКВИ ВЪ КІЕВСКОМЪ УЧИЛИЩѢ ДѢВИЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ (*).

Присутствуя при освященіи сего училищнаго храма и первомъ въ немъ священнослуженіи, вспоминали ли вы, братіе, что первыя въ отечествѣ нашемъ училища были при церквахъ, что и потомъ большую часть тысячелѣтняго періода въ жизни нашего отечества просвѣщеніе исходило изъ стѣнъ св. обителей? Напоминая нынѣ объ этомъ, наводимъ мысль вашу на отношеніе христіанской церкви къ воспитанію вообще и въ частности къ воспитанію женщины.

Нынѣ признана уже та истина, что воспитаніе не

(*) Сказанное, 22-го сентября 1863 г., протоіереемъ П. Лебединцевымъ.

состоитъ въ одномъ знанiи наукъ или искуствъ, (ибо можно быть и ученымъ и великимъ художникомъ и вмѣстѣ чуждымъ воспитанiя); что воспитанiе не есть образованiе памяти, разсудка, другой какой либо способности или и всѣхъ познавательныхъ способностей вообще. По болѣе вѣрному понятiю, воспитанiе есть духовно-нравственное возрастанiе и должно состоять въ возбужденiи и охраненiи высшихъ, духовныхъ началъ внутренней нашей жизни. Воспитывать потому значитъ возращать и развивать въ человѣкѣ тѣ начатки истины, добра и святости, которые, какъ сѣмя нравственной жизни, кроются въ душѣ нашей, будучи вложены въ нее Творцемъ при рожденiи нашемъ. Есть въ насъ чувство добра, которое возбуждаетъ, влечетъ насъ къ добру, руководитъ къ нему и отвращаетъ отъ зла нравственнаго. Есть въ каждомъ дитяти чувство истины, которое любитъ истину въ себѣ и въ другихъ и возмущается при видѣ лжи и обмана. Есть чувство долга и правды, побуждающее быть вѣрнымъ своимъ обязанностямъ и уважать право другаго. Есть наконецъ и святыя чувства: чувство благоговѣнiя, видоизмѣняющееся въ любовь къ Богу, и чувство совѣсти, которыя даютъ намъ знать, что такое Богъ и чего Онъ отъ насъ требуетъ. Это чувства, на которыхъ опирается вся нравственность наша и все наше человѣческое достоинство. Понятно само собою, что они не могутъ быть поддержаны ни наукой, ни искуствомъ. Ибо искуство образуетъ внѣшнiя чувства, но неспособно воспроизводить въ насъ чувствъ духовныхъ и святыхъ, питать эти чувства и насъ самихъ дѣлать праведными, святыми, хотя нерѣдко искуство служитъ орудiемъ къ подавленiю въ юношествѣ всего добраго и святаго. Науки образуютъ умъ, а не сердце; онѣ расширяютъ познанiя ума, дѣлаютъ его дѣятельнымъ, гибкимъ, даже изворотливымъ. Но отъ науки ли зависитъ доброе направленiе самой умственной дѣятельности? Не часто ли таже наука, при недостаткѣ добраго воспитанiя, подрываетъ нравственность и служитъ къ ниспроверженiю всякаго порядка въ обществѣ? Такимъ образомъ польза наукъ и искуствъ условная: онѣ могутъ быть полезны только тогда,

если какъ въ каждомъ человѣкѣ, такъ и въ цѣломъ обществѣ, сохраняются въ цѣлости и неповрежденности чувство истины и добра, чувство долга и правды, чувство благоговѣнія и совѣсти. Такимъ образомъ не въ наукѣ и искуствахъ, а въ сердцѣ нашемъ покоются сѣмена нравственности и всего полезнаго для общества.

От чего же, спросите, зависитъ образованіе самаго сердца нашего, чѣмъ поддерживается и питается въ немъ теплота, согрѣвающая его любовію къ ближнему и переходящая въ пламень любви къ Богу? Пищу духу даетъ христіанская вѣра; голодъ нашего сердца, ничѣмъ земнымъ не насыщающагося, утоляется только въ церкви христіанской, и только подъ ея руководствомъ дитя можетъ возрасти въ нравственности и святости. Такова задача самаго христіанства. Христосъ для того и приходилъ въ міръ, чтобы воспитать родъ человѣческій, при всѣхъ условіяхъ греческой и римской образованности оказавшійся крайне неблаговоспитаннымъ подъ вліяніемъ нечестиваго язычества, питавшаго одни страсти и суевѣрнаго іудейства, воспитавшаго въ фарисеяхъ одну гордость національную. Отъ Него—только отъ Христа исходятъ истинный свѣтъ и жизнь: *Азъ*, говорилъ Онъ о себѣ, *свѣтъ въ міръ пріидохъ* (Іоан. 3, 19), и только отъ его ученія сердца возгарались любовію къ Богу. Отходя на небо, Онъ основалъ и самое училище для нашего воспитанія: это церковь—общество вѣрующихъ, въ священныхъ собраніяхъ котораго и можетъ человѣкъ сдѣлаться совершеннымъ, на всякое благое дѣло уготованнымъ.

Воспитателямъ юношества, отцамъ и матерямъ семействъ, нужно знать и самыя средства воспитанія, которыми располагаетъ церковь. Ихъ не трудно угадать. Какъ дерево растетъ не одной влагой и соками земли, но для возбужденія, поддержанія жизненности и для правильнаго развитія требуетъ вліянія высшихъ силъ свѣта, электричества, теплоты; такъ и высшая духовная жизнь для развитія своего нуждается въ притокѣ высшихъ началъ жизни. Кто же даетъ намъ эти начала новой жизни? Жизнь зачинается только отъ жизни, а источникъ жизни—Богъ.

Какъ все создано словомъ, такъ и нынѣ духовная жизнь можетъ поддерживаться и укрѣпляться только словомъ Божіимъ. *Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ словѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ.* (Мат. 4, 4). Такъ слово Божіе и есть истинная пища души нашей. Самый же проводникъ духовной жизни есть благодать Божія, нисходящая въ душу въ таинствахъ церкви.

Польза слова Божія понятна всякому, кто вкусилъ сладости закона Божія, но и безъ внутренняго опыта можно притти къ убѣжденію въ этой истинѣ. Если отъ добраго слова человѣческаго душа развивается, возрастаетъ и укрѣпляется; то не болѣе ли развитію духа нашего, высшему и совершеннѣйшему, можетъ способствовать чистѣйшее слово Божіе, возвѣщающее намъ только объ истинномъ, святомъ и божественномъ,—слово, въ которомъ нѣтъ ни погрѣшительныхъ мнѣній, ни общечеловѣческихъ заблужденій, которое всегда *ей и аминь.* Вотъ, почему предки наши искали просвѣщенія преимущественно духовнаго. Словомъ Божіимъ они питали свои сердца и тѣмъ же словомъ Божіимъ воспитывали своихъ дѣтей. Обыкновеннымъ мѣстомъ воспитанія считается школа; мѣстомъ христіанскаго воспитанія служитъ церковь, какъ общество вѣрующихъ и какъ мѣсто общественнаго богослуженія. Много для духовной жизни значитъ окружающая насъ изъ дѣтства среда, едва ли не болѣе, чѣмъ для тѣлесной—атмосфера, изъ которой мы невидимо воспринимаемъ въ себя жизненные элементы. Но общество образуетъ внѣшнюю сторону человѣка, общество вѣрующихъ содѣйствуетъ образованію духовной стороны человѣка, напечатлѣвая на ней образъ вѣрующаго и благочестиваго христіанина. Быть въ общеніи съ людьми истинно вѣрующими, видѣть примѣры ихъ вѣры и благочестія, слышать ихъ благочестивыя преданія,—какъ много назиданія для юношества въ одномъ этомъ общеніи! Что послѣ сего сказать еще о общеніи съ истинно вѣрующими въ молитвѣ и совершеніи Богослуженія? Мысль о Богѣ, всегда присущая намъ въ храмѣ, видъ св. изображеній, переносящій насъ изъ міра земнаго въ міръ горній, чтеніе слова Бо-

жія, умилительное пѣніе священныхъ пѣснопѣній, богослуженіе, олицетворяющее исторію искупленія и переносящее мысль къ престолу славы Божіей: все это сколько можетъ питать чувство невинной дѣтской души, еще не испорченной міромъ и открытой всѣмъ добрымъ напечатлѣніямъ! Одинъ часъ, назидательно проведенный дѣтьми во храмѣ, не болѣе ли значитъ въ воспитаніи ихъ, чѣмъ цѣлые дни и въ лучшемъ мірскомъ обществѣ. Говорить ли о пользѣ и важности возможно частаго общенія дѣтей съ благодатію Божію въ св. таинствахъ? Таинственнымъ священнодѣйствіемъ и нашъ духъ живетъ и возвышается; не болѣе ли въ немъ имѣетъ нужды дитя, еще только раскрывающееся для жизни духовной? Самъ Спаситель о дѣтяхъ сказалъ: *оставите дѣтей приходити ко мнѣ и не браните имъ, таціхъ бо есть царствіе небесное* (Марк. 10, 13).

Послѣ всего сказаннаго нами, вы,—братіе, не потребуете объясненія, почему большая часть нашихъ учебныхъ заведеній имѣютъ подъ кровлей своей храмы. Указывая на союзъ науки съ вѣрой, возраждающей насъ и воспитывающей, училищныя церкви служатъ намъ напоминаніемъ того, что училища просвѣщенія должны быть вмѣстѣ и училищами благочестія, что юношество образованное должно быть и успѣвшимъ во благочестіи.

Столь тѣсная связь ученія съ благочестіемъ не первѣе ли всего должна утвердиться въ училищѣ женскомъ, такъ какъ чувство женщины само чувствуетъ потребность той пищи, которую подаетъ св. вѣра? Не болѣе ли всего и общество должно желать, чтобы воспитаніе будущихъ матерей семейства совершалось по преимуществу въ духѣ религіозно-нравственномъ? Религіозно-нравственное состояніе, къ которому стремится общество въ воспитаніи дѣтей, составляется изъ благовоспитанности семействъ, а состояніе вѣры и нравственности семейства болѣе всего зависитъ отъ того, насколько ихъ проявляетъ въ себѣ мать семейства. Многое видѣнное и слышаное ускользаетъ изъ нашего сознанія, но благочестивыя наставленія матери и въ примѣрѣ ея преподанные уроки молитвы, благоговѣнія къ Богу, истинности, любви къ ближнему не

изглаждаются совершенно никогда и долго долго еще служатъ ангеломъ хранителемъ жизни.

Вотъ по какимъ побужденіямъ, бр., устроенъ храмъ Божій и подъ кровомъ сего училищнаго дома. Уроки наукъ для дочерей священно-служителей церкви пусть будутъ только дополненіемъ уроковъ благочестія; главнымъ же образомъ юныя ихъ сердца да питаются духомъ молитвы и вѣры, всегда проявляющимся во храмѣ Божіемъ, словомъ Божіимъ, слышимымъ и въ чтеніяхъ церковныхъ и священныхъ пѣснопѣніяхъ, участіемъ въ богослуженіи и въ таинствахъ церкви.

Великія просвѣтительныя надежды возлагаетъ церковь на сихъ дѣтей; церковь желаетъ, чтобы они внесли лучшія начала воспитанія въ семейства священнослужителей церкви и въ семейства поселянъ, коснѣющихъ въ грубости нравовъ и многихъ суевѣріяхъ; церковь отъ ихъ будущей дѣятельности ждетъ образованія женщины—поселянки и содѣйствія въ многотрудномъ дѣлѣ пастырства. Тѣмъ необходимѣе укрѣпляться имъ въ духѣ вѣры, которой споспѣшницами они могутъ быть среди сельскаго населенія. Посвященъ сей храмъ имени св. Мvроносицъ, чтобы и воспитываемыя при немъ дѣти чаще приходили къ сему жертвеннику съ вѣрою, какъ ко гробу Господню, и міру бы проповѣдали, яко Христосъ есть сынъ Божій, спасающій родъ человѣческій.

Любезныя дѣти! Вотъ главный вашъ классъ, здѣсь обитаетъ невидимо и учитель истины—св. Духъ, наставляющій на всякую истину. Притекайте сюда возможно чаще, и пребывайте съ вѣрою и благоговѣніемъ. Будьте внимательны къ слову Божію и богослуженію. Возносите здѣсь теплыя молитвы о родителяхъ вашихъ, о Благочестивѣйшемъ Государѣ нашемъ, благоволившемъ дать для вашего воспитанія этотъ домъ, о Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ, милостиво соизволившей принять васъ подъ свое высокое покровительство; молитесь усердно о здравіи и долгоденствіи благосердаго Архипастыря нашего, своимъ отеческимъ попеченіемъ и своими щедротами благоустроившаго училище ваше; молитесь и о всѣхъ,

своими пожертвованіями содѣйствовавшихъ Архипастырю въ семъ благомъ дѣлѣ; воспоминайте въ молитвахъ вашихъ и имя того старца—пастыря, который съ любовію и усердіемъ два года пекся о первоначальномъ образованіи вашемъ и обновленіи сего дома, и нынѣ молится за васъ уже въ другомъ мірѣ предъ Господомъ. Молясь о другихъ, вы научитесь молиться и о себѣ; а молитва есть такой урокъ, къ которому всего чаще придется обращаться въ жизни.

Господи и Боже! изъ устъ младенецъ и ссущихъ благоволивый принимать хвалу, милостиво, съ престола славы Твоея, призирай на молитву и сихъ дѣтей, воспитываемыхъ подъ кровомъ сего храма для славы святаго имени Твоего, и на всѣхъ ищущихъ здѣсь благодатной помощи и утѣшенія. Аминь.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ІОВА БОРЕЦКАГО, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО (+ 1631 г.).

Іовъ, въ мірѣ Іоаннъ, Борецкій извѣстенъ намъ первоначально, какъ приходскій священникъ кіево-подольской Воскресенской церкви. Гдѣ онъ образовалъ себя—неизвѣстно; знаемъ только, что онъ былъ образованъ, и будучи въ санѣ простаго священника, заботился объ образованіи другихъ, доказательствомъ чему служитъ открытая имъ при своей приходской церкви школа, которую онъ помѣстилъ въ собственномъ домѣ, купленномъ имъ за 500 тогдашнихъ польскихъ злотыхъ, и въ которомъ самъ непосредственно занимался обученіемъ дѣтей. За такое усердіе и за высокое благодушіе, прихожане любили своего священника, и, когда онъ былъ уже игуменомъ Михайловскаго монастыря, часто видались съ нимъ, дарили ему отъ своего имущества и называли его своимъ „милымъ отцемъ духовнымъ". Въ 1618 году, Іоаннъ и жена его, по данному уговору, приняли монашество,—онъ въ кіево-михайловскомъ монастырѣ, подъ именемъ Іова,—она въ богословскомъ женскомъ, находившемся подлѣ михайловскаго, и, какъ думаютъ, даже устроенномъ этими благочестивыми супругами. Вслѣдъ за симъ братія избрала Іова игуменомъ своимъ, а монастырь богословскій поставилъ жену его игуменьею своею. Образованіе, рѣдкое благодушіе и опытность скоро поставили его въ мнѣніи всѣхъ православныхъ на первомъ планѣ и привязали къ нему самыя завѣтныя желанія цѣлой страны. То были самыя тяжкія времена для православныхъ обитателей югозападной Руси, времена полнаго господства уніи и іезуитовъ. Съ 1608 года страна не имѣла ни одного епископа, ни

митрополита; всѣ каѳедры архіерейскія и кіево-софійская митрополія заняты были уніатами; православное богослуженіе совершалось только въ развалинахъ и подземельяхъ, весь порядокъ церковный рушился.

Естественно, что благочестивые ревнители вѣры изыскивали всѣ средства возстановить прерванную іерархію, чтобы спасти угнѣтенную церковь. Случай—крайній и рѣшительный—представился, и благодушному Іову суждено было начать собою новый рядъ кіевскихъ іерарховъ и заняться устройствомъ церкви. Въ 1621 году прибылъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ. Гонимые и отвсюду подстерегаемые православные собрались здѣсь вокругъ него, по выраженію современника (Густынская лѣтоп.) „аки пчелы около матицы своей", и убѣдили его рукоположить имъ митрополита и пять епископовъ. Жребій первосвятительства палъ на Іова. Скрываясь отъ глазъ іезуитскихъ и уніятскихъ, зорко слѣдившихъ за каждымъ шагомъ патріарха, православные тайно собрались въ тѣсномъ и убогомъ храмѣ богоявленскаго братства (*), и начали здѣсь съ патріархомъ литургію, окна въ храмѣ закрыли наглухо, двери замкнули, зажгли самое малое количество свѣчей на клиросѣ, едва слышно пѣлъ только одинъ голосъ; на всякій случай, запорожскіе козаки толпами расхаживали вокругъ храма въ полномъ вооруженіи... Можно представить, какъ поражены были враги, узнавъ о существованіи новой полной іерархіи православной, и съ какою злобою бросились они на новыхъ святителей! Только сильная рука Петра Сагайдачнаго, въ которой такъ нуждалось тогда польское правительство, защитила и упрочила ихъ на своихъ каѳедрахъ. Но чрезъ годъ умеръ и Сагайдачный, и новые іерархи должны были нести всю тяжесть гоненій. Знаемъ, что Іовъ съумѣлъ удержаться на своей каѳедрѣ и устроилъ церковный порядокъ (соборъ 1628 г.); но, вѣроятно, онъ обнималъ въ

(*) Маленькая деревянная церковь эта находилась на мѣстѣ нынѣшней каменной теплой церкви Братскаго монастыря.

своемъ желанiи и весь кругъ церковнаго благосостоянiя. Онъ, какъ показываетъ завѣщанiе его, сильно желалъ видѣть для православныхъ высшее училище, и онъ-то особенно желалъ, чтобы это училище основано было при богоявленскомъ братствѣ. Но то же завѣщанiе показываетъ, почему онъ не могъ развить своихъ плановъ и осуществить ихъ. Какъ скудно его имущество, какъ бѣдны его средства! Софiйская каѳедра съ своими богатыми имѣнiями, въ продолженiи его святительства, находилась въ рукахъ унiатовъ, а монастырь михайловскiй, служившiй ему каѳедрою, былъ до того бѣденъ, что Iовъ самъ на свои скудныя средства устрояетъ его. Завѣщанiе показываетъ также, на кого Iовъ возлагалъ надежды православныхъ, послѣ своей смерти; ибо не даромъ онъ съ такимъ глубокимъ уваженiемъ относится къ Петру Могилѣ, владѣвшему и огромными средствами, и обширнымъ образованiемъ и необыкновенною энергiею,—не даромъ поминаетъ его прежде блюстителя митрополiи, луцкаго епископа Исакiя Борисковича (*);—видно также, что не устоять на кiевской каѳедрѣ тому, кто бы занялъ ее помимо Могилы, ясною становится участь этого митрополита (Исаiи Копинскаго), про котораго даже не упоминаетъ завѣщанiе.

Завѣщанiе это, отнюдъ не изъ важныхъ для исторiи, но дорогое, какъ душевное выраженiе человѣка, которому суждено было стоять во главѣ такихъ важныхъ событiй въ нашей церкви, мы нашли въ крѣпостныхъ актахъ бывшаго кiево-межигорскаго монастыря (№ 106), хранящихся въ библiотекѣ кiевской духовной академiи. Е. К.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа святыя Животворящiя Троицы, единаго истиннаго Бога нашего аминь.

„Безначалный Единосущный Сынъ Слово Божие, Богъ и Отецъ Господа нашего Iисуса Христа, жродло (источникъ) премудрости и всея вселенныя, всѣхъ видимыхъ

(*) Борисковичъ управлялъ кiевскою митрополiею во время болѣзни Iова Борецкаго.

и невидимыхъ рѣчей (вещей) Творецъ, яко самъ рачилъ, такъ то всепредвидящимъ окомъ и найвышшею премудростию своею справилъ, же створивши человѣка на хвалу свою, конецъ живота ему смертю умерети ознаймилъ (назначилъ). Еднакъ же, яко Онъ самъ все вѣдаетъ, для чого часъ албо годину тое смерти толко въ своей вѣдомости заховалъ, а предъ человѣкомъ утаилъ, которого то часу албо годины смерти нашое поне зась невѣдаемо. Претожъ Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христосъ, правдивый Сынъ Божій рачилъ (благоволилъ) намъ упоминати, абысмо завше на каждый часъ молячись Богу, чутными и на тую то смерть готовыми были, яко бысмы съ добрымъ сумненемъ (расположеніемъ) предъ судомъ Божиимъ стати могли. За которымъ то таковымъ Сына Божия напоминанемъ, и я рабъ Божій, Иовъ Борецкій, митрополитъ киевский галицкий и всея Россіи, Игуменъ монастыра михайловскаго церкве золотоверхое надъ Киевомъ (надъ Подоломъ, въ которомъ и замыкался тогда весь Кіевъ), ачъ колвекъ на сей часъ хорий, але пятма смыслами телесными (т. есть: видениемъ, слышаніемъ, смакованемъ (вкусомъ), повонянемъ (обоняніемъ) и дотыканемъ (осязаніемъ) и треми силамы души моее (то есть: розумомъ, паметю и волею) добре здоровый, въ которой то хоробе моей тѣлесной еднакъ яко певное речи сподѣваючись и чуючись быти ближшимъ къ смерти, а нежели къ животу, прето еще за доброе памети, цалого и зуполного розуму и доскональное вымовы, перве о души, а потомъ о маетносцы убогой, которую ми Господь Богъ, за старенемъ моимъ далъ былъ, хотячи певное и неотмѣнное постановене учинити, тое нынѣшнимъ тестаментомъ моимъ порадкомъ нижей идучимъ таковымъ способомъ споражаю. А на перво вызнаваю и презъ той нынѣшний тестаментъ Богу сотворителю моему и всѣмъ небеснымъ силамъ и каждому христианскому человѣкови тутъ теперь и на суде Божомъ освѣдчаю, ижъ въ правдивой восточного послушенства вѣре, которую Спаситель нашъ Христосъ Господь постановити рачилъ, з добрымъ сумненемъ умерети и предъ судомъ Божіимъ стати хочу, единаку душу мою убогую в руки милосердия

Божаго отдаю, маючи за полную а не омылную вѣру в' Его Бозскомъ милосердию и в' заслузе за насъ мукою сына Его, ижъ Онъ не будетъ в' судъ зо мною входити, але мя з' ласки своее до вѣчное хвалы рачитъ приняти, А тѣло мое грѣшное належитымъ хрестиянскимъ проводомъ (якъ Господь Богъ здаритъ) при церкви святого Архистратига Михаила надъ Киевомъ, абы до того часу в' земли отпочивало, ажъ Господь Богъ съ ангелами своими въ маестате (въ величіи) и вшехмоцности (всемогуществѣ) своей на енералный судъ придетъ, Превелебнѣйшому в' Бозѣ Его милости господину отцу Петру Могиле, Воеводичу земль Молдавскихъ, милостию Божиею великому Архимандриту святое великое и чудотворное Лаври печарския киевския, и велибнему в' Бозѣ Его милости господину отцу Исаакию Борисковичу епископу луцкому и острозскому, яко на тотъ часъ притомному (присутствующему) и всѣмъ о Христѣ братіямъ Капитуле монастыря михайловскаго золотоверхое церкве ку погребению полецаю. И его милость господина отца Петра Могилу Архимандрита печарскаго, и его милость отца Исаакия епископа вышпомененного по Бозе першими опекунами такъ того святого монастыра михайловского, яко и всѣхъ речей моихъ рухомыхъ учинивши, ба наперший и церкве Божой и всему православному народови российскому потребнѣйший в' томъ тестаменте остатное воли моее кладу, абы школы в' братстве киевскомъ для цвиченя дѣтокъ хрестиянскихъ, а не где индей фундовани были подъ неблагословеніемъ приказую. Штосе зась дотыче маетноски худобки зобраня моего, тую таковымъ способомъ споражаю и конечне мѣти такъ хочу. Книги кгрецкіе и латинскіе власные мои, а не монастырскіе, розныхъ авторовъ превелебнѣйшому его милости господину отцу Архимандриту печарскому оферую и тымъ тестаментомъ, остатнею волею моею, в' моцъ и завѣдоване полецаю. Книги зась словенскіе и полскіе при церкви святого Архистратига Михаила, где тѣло мое погребено будетъ, такъ же и всѣ отъ мала и до велика аппараты (облаченія) святителскіе быти и зоставати маютъ. Звонницу (колокольню), которую

мыслилемъ в' монастыри святого Архистратига Михаила муровати, если бы ми живота Господь продолжити рачилъ и южъ и муляру Петру Нѣмцу, обывателю киевскому на тую работу золотыхъ сто маючи з' милостыни задалемъ былъ, которое и теперь при немъ зостаетъ, другое и в' шкатуле моей могло бысь найти, а до того и на двохъ мемранехъ (роспискахъ) то есть на пану Тимоѳею Александровичу Вербицкому типографе киевскомъ на мемране золотыхъ четыреста, и на пану Іоанну Плетенецкому на мемране золотыхъ пятдесятъ, и отъ християнъ обѣтницу мѣлемъ на вспомогане тоей звоницы,—все то ижъ смерть закротить ми хочетъ, то на высоце уважный розсудокъ его милости господина отца Архимандрита (если можна тому дѣло досыть учинити) пущаю. Роботу, которую килка лѣтъ скончити старалемсе, и не безъ кошту и накладу тое все робило и не докончило, ахимицкую (?), ижъ многое на нее у брата пана Андрея Борецкаго забрано, оному ее пущаю. Стороны сироты дочки моея Евпраксіи и сестриницы Минодоры—тыхъ в' опеку его милости отцу Архимандриту печарскому, яко великому добродѣеви моему полецаю,— которымъ (дочери и племяницѣ) келию мою новую в' монастыри женскомъ михайловскомъ для богомыслности и уединеня зо всѣмъ на все даю и отказую. До того дворъ мой в' Киеве мѣсте противъ пана Романа Судновца прозываемый Черкасчинскимъ, который въ опецы и завѣдованю общежителнаго святого монастыра межигорскаго (бо сума ихъ на немъ естъ) быти маетъ до живота ихъ то есть Евпраксіи и Минодоры, если неотмѣнне инокинями будутъ, на виховане даю; а по животѣ ихъ тотъ домъ на монастырь межигорскій отказую и отписую, и тымъ тестаментомъ остатнею волею моею лекгую (*). Роботу, кото-

(*) Мѣсто »Черкасщизну« Іовъ Борецкій купилъ за 500 злотыхъ, будучи еще священникомъ, въ 1616 году. Въ 1620 году, когда онъ былъ игуменомъ михайловскаго монастыря, одна изъ прежнихъ его прихожанокъ подарила ему свой домъ и дворъ. Въ 1624 году, онъ купилъ еще одинъ домъ и дворъ за 80 копъ литовскихъ грошей. Всѣ эти дворы находились въ сосѣдствѣ, и изъ нихъ образовался одинъ дворъ (въ при-

рую-мъ замовилъ и постановилъ зъ Романомъ столяремъ, обывателемъ киевскимъ, столярскую до двухъ предѣловъ великое церкве святого Михаила то есть до предѣла еднаго Воведенія в' церковъ пречистое Богородицы, а до другого предѣла святое великомученицы Варвары, имѣлемъ, ведлугъ постановеня и интерцызіи нашее, грошей готовыхъ золотихъ сто и десятъ дати, яко жъ отдалемъ ему гроший милостивскихъ копъ тридцать пять, и девять копъ литовскихъ на тую роботу зосталемъ ему виненъ, которые копъ девять, при отбираню тое всее работы до помененныхъ предѣловъ, маютъ и повинни будутъ братія капитула монастыря михайловскаго золотоверхое церкве Роману столяру заплатити, а работу до рукъ своихъ отобрати, и пылное старане около нее приложити, яко бы совершенне уробленная и помалованная въ помененнихъ олтарахъ зоставала—конечне приказую.—Притомъ тежъ штоколвекъ слугамъ моимъ, за вѣрную послугу ихъ, такъ здоровому яко набарзей в' той тяжкой хоробе моей будучему, зосталемъ виненъ—ихъ милости господинъ отецъ Архимандритъ печарский и господинъ отецъ Исаакий боголюбезнѣйший епископъ луцкий з' тое жъ убогое маетностки моее, абы на душу мою не плакали, заплатити маютъ, о што и прошу. А ижъ жадное болшей маетностки своее и ничие иншое у себѣ не маю, теды тымъ тотъ тестаментъ и остатнюю волю мою кончу и замыкаю, варуючи еднакъ, абы его нихто ни в' чомъ не нарушалъ, а то подъ клятвою святыхъ отецъ триста и осмнадцать иже в' Никеи (на первомъ вселенскомъ соборѣ) и под' помстою Бога всемогущаго, который в' день судный воздастъ каждому по дѣломъ его. До котораго тестаменту и остатнее воли моее просилемъ о подписе рукъ и притиснене пе-

---

ходѣ воскресенскомъ, отъ церкви къ Днѣпру). Завѣщаніе писано 1-го марта, а въ іюнѣ того же года межигорскій монастырь подалъ въ городской судъ явку, что дочь Борецкаго не принимаетъ монашества, что, по этому, онъ вступаетъ во владѣніе дворомъ и домомъ »Черкащизною«. Всѣ эти акты въ крѣпост. документахъ межигор. монастыря №№107—113. Е. К.

чатий в̓ Бозе превелебною его милость господина отца Исаакия Борисковича епископа Луцкаго и острозскаго православнаго и ихъ милостей господиновъ отцовъ и братий капитулы монастыра печарскаго киевскаго нижей менованныхъ, што ихъ милость на прозбу мою учинити, руки свои подписати и печати приложити рачили. Писалъ в̓ монастыри михайловскомъ церкве золотоверхое, в̓ киеве мѣсяца марта 1-го дня 1631 року.

(На копіи этой собственноручная подпись Исаакія Борисковича и печать тогдашняя митрополичья т. е. Архистратигъ Михаилъ).

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ИСТОРІИ НАРОДНЫХЪ ШКОЛЪ ВО ФРАНЦІИ.

Народныя школы во Франціи въ настоящее время подлежатъ завѣдыванію духовенства.

Франція, какъ и Германія, путемъ ошибокъ, страданій, потрясеній, словомъ—путемъ исторической необходимости, пришла къ настоящимъ, современнымъ убѣжденіямъ относительно духа и характера народныхъ школъ, въ которыхъ получаетъ направленіе и основу нравственно-политическихъ убѣжденій все новое поколѣніе развивающейся націи.

Народныя школы во Франціи, въ прошломъ столѣтіи, много обязаны своимъ происхожденіемъ такъ называемымъ въ исторіи политической экономіи—физіократамъ. Истые философы, которыхъ никто не упрекнетъ въ обскурантизмѣ, обученіе народа считали не только не нужнымъ, но даже вреднымъ. Гордость ихъ вполнѣ удовлетворялась успѣхами ихъ въ философіи между такими людьми, которые царствуютъ, или рождены царствовать, или которые посвятили себя наукамъ (lett. à d'Alambert du 13 Decemb. 1767). На самое сильное возраженіе противъ равнодушія къ обученію народа, состоявшее въ томъ, что образованіемъ вызваны были бы изъ массы народа таланты, погибающіе безъ слѣда и пользы, Руссо съ свойственною ему задушевностію отвѣчаетъ безъ обиняковъ: „тутъ должно разсмотрѣть двѣ вещи прежде таланта, а именно—нравы и благосостояніе. Не

люди сдѣланы для мѣстъ, но мѣста для нихъ, и для пристойнаго распредѣленія вещей не столько нужно выбирать, при ихъ раздѣлѣ, ту должность, къ которой всякой человѣкъ способнѣе, какъ ту, которая способнѣе всякому человѣку, чтобы сдѣлать его столько добрымъ и счастливымъ, сколько можно".

„Чтобы слѣдовать своему таланту,—должно узнать его. Но всегда ли легко познавать человѣческіе таланты? И если въ тѣ лѣта, когда избираютъ состояніе, не имѣютъ столько труда, чтобы узнать способности дѣтей, которыхъ старательно испытывали; то можно ли повѣрить, чтобы земледѣлецъ узналъ свои способности?

„Но не довольно чувствовать свою способность, надобно еще захотѣть ей предаться. Сдѣлается ли какой князь кучеромъ потому, что онъ хорошо умѣетъ править своей каретой? Сдѣлается ли герцогъ поваромъ потому, что онъ выдумываетъ хорошія кушанья?"

„Скажу болѣе, нужно ли, чтобы столько различныхъ талантовъ въ народѣ было непремѣнно открыто? Не лучше ли бы было, чтобъ число ихъ соотвѣтствовало нуждамъ общества? Если оставить при земледѣліи только тѣхъ, которые имѣютъ особенный для того талантъ, если отнять отъ сельскихъ работъ всѣхъ, которые способнѣе къ другимъ занятіямъ, то не останется столько земледѣльцевъ, чтобы обрабатывать земли и доставлять пропитаніе другимъ классамъ. Я думаю, что таланты человѣческіе подобны силамъ лѣкарственныхъ травъ, данныхъ намъ природою для врачеванія болѣзней нашихъ, хотя природа и желала, чтобы мы въ этихъ пособіяхъ не имѣли нужды. Есть растенія, которыя насъ отравляютъ; есть животныя, которыя насъ пожираютъ; есть и таланты, которые намъ вредны. Простые и благонравные народы не имѣютъ нужды въ толикихъ талантахъ, они лучше живутъ одною своею простотою, нежели другіе всѣми своими искуствами. По мѣрѣ ихъ поврежденія открываются и ихъ таланты, какъ будто для дополненія добродѣтелей,

и чтобы принудить даже злыхъ быть полезными противъ ихъ воли (№ Elois. par. VII lettr. IX).“

Кажется, нѣтъ ничего естественнѣе приведенныхъ разсужденій Руссо; къ нимъ почти ничего нельзя прибавить, кромѣ того что всякій земледѣлецъ, праступая къ обученію, всегда имѣетъ затаенную мысль выдти изъ своего званія, поровняться съ высшими сословіями, не имѣя возможности располагать ихъ средствами къ жизни и наслажденіямъ. При ограниченномъ его достаткѣ и кругѣ дѣятельности, онъ не имѣетъ нужду дѣлать запись и вести приходорасходныя книги. Грамотность есть своего рода спеціальность; она не увеличиваетъ производительности въ убогомъ хозяйствѣ. Образованіе народа могло быть только съ нравственно-религіозною цѣлію. Какъ же могла явиться мысль объ образованіи простаго народа съ другими цѣлями? Она проистекала изъ тогдашнихъ антимонархическихъ стремленій;—хотѣли, т. е сдѣлать народъ способнымъ къ самоуправленію и не нуждающимся въ правительствѣ и религіи. Заговоръ противъ монархіи и религіи былъ въ полномъ ходу, дѣйствовалъ въ тысячи мѣстахъ тысячью незамѣтными пружинами. Заговорщики, или тогдашніе передовые люди, овладѣвъ умами высшихъ сословій, стремились разлить свое мнимое просвѣщеніе на простой народъ, изъ пышныхъ чертоговъ перейти въ крестьянскія хижины, изъ столицъ распространиться въ селахъ. Кэне, лейбъ-медикъ Людовика XV, первый обратилъ вниманіе на народъ, и старался пробудить любовь къ нему. Кэне пользовался великимъ довѣріемъ своего государя, увѣрилъ его и старался увѣрить всѣхъ, что только земледѣльцы составляютъ въ государствѣ классъ гражданъ производительныхъ и полезныхъ, а прочіе классы непроизводительны. Людовикъ самъ набиралъ буквы для книги, доказывающей эти положенія. Кэне и приверженцы его безпрестанно говорили о земледѣліи, управленіи, экономіи и о средствахъ, служащихъ къ облегченію участи народа; потомъ старались внушать, что ремесленники въ городахъ, а поселяне въ деревняхъ имѣютъ нужду въ образованіи, потребномъ для ихъ занятій; что люди низшаго званія,

будучи не въ состоянiи почерпать необходимыя имъ познанiя изъ книгъ, были отъ того погружены въ невѣжествѣ, вредномъ какъ для собственнаго ихъ счастiя, такъ и для государства; что надлежитъ учредить и распространить въ деревняхъ казенныя школы, въ которыхъ бы дѣти, на иждивенiи короны, учились разнымъ ремесламъ, а болѣе всего—земледѣлiю.

Тогдашнiе прогресисты тотъ часъ поспѣшили на помощь экономистамъ—физiократамъ и съобща начали представлять Людовику XV различные планы, въ которыхъ они превозносили какъ временныя, такъ и вѣчныя духовныя преимущества, могущiя произойти отъ школъ для бѣднаго сословiя во всемъ государствѣ. Король, сердечно любя народъ, съ жаромъ принялся за это дѣло; онъ хотѣлъ *на собственный счетъ* устроить эти школы, и для этого обратился къ Бертеню, управляющему собственными его доходами и удостоенному его особой довѣренности. Въ запискахъ этого министра находятся слѣдующiя признанiя.

„Людовикъ XV, писалъ Бертень, ввѣрилъ мнѣ управленiе своею казною и потому объявилъ мнѣ объ однихъ учрежденiяхъ, для которыхъ я долженъ былъ выдать сумму изъ собственныхъ его денегъ. Давно уже я разсматривалъ разныя секты нашихъ философовъ. Хотя я самъ могъ упрекать себя въ худомъ исполненiи обязанностей благочестiя, однакожъ я сохранилъ правила вѣры. Я увѣренъ былъ, что всѣ усилiя философовъ стремятся истребить ее. Тутъ увидѣлъ я цѣль ихъ: они желали сами управлять этими школами, хотѣли сами совершенно располагать воспитанiемъ народа, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы епископы и священники, имѣвшiе доселѣ смотрѣнiе за учителями, не могутъ входить въ такiя подробности, которыя не сродны духовнымъ людямъ. Я понялъ, что они совсѣмъ не думали преподавать уроки земледѣлiя простолюдинамъ, а только старались воспрепятствовать имъ надлежащимъ образомъ учиться катихизису или религiи.

„Тогда не усомнился я сказать королю, что планы философовъ совершенно различны отъ его благодѣтельнаго намѣренiя. Я знаю сихъ заговорщиковъ, говорилъ я ему,—

берегитесь, государь, помогать имъ. Въ вашемъ государствѣ довольно казенныхъ училищъ, а, можетъ быть, ихъ и слишкомъ много. Не книги, а практика и опытность научаютъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Боюсь, чтобы они отъ того не стали лѣнивы, своенравны, завистливы и скоро потомъ не сдѣлались умствователями, непокорными и наконецъ бунтовщиками. Опасаюсь, чтобы ваши собственныя издержки, къ которымъ васъ убѣждаютъ, не имѣли слѣдствіемъ истребленіе, мало помалу, въ сердцахъ подданныхъ любви къ религіи и къ государю.

„Къ этимъ причанамъ я присовокуплялъ все, что приходило мнѣ на умъ, для убѣжденія его величества. На мѣсто назначаемыхъ и выбираемыхъ философами учителей я совѣтовалъ ему употребить тѣ же суммы на то, чтобы увеличить число катихизаторовъ, чтобы найти умныхъ, опытныхъ и терпѣливыхъ людей, которые, имѣя сношенія съ епископами, учили бы бѣдныхъ поселянъ правиламъ вѣры и при томъ на изъустъ, какъ приходскіе священники и учатъ дѣтей, не умѣющихъ читать.

„Казалось, продолжаетъ Бертень, что Людовикъ XV одобряетъ мои представленія. Но философы достигли своей цѣли. Они имѣли около короля такихъ людей, кои не переставали его убѣждать, а притомъ же король не могъ увѣриться, чтобъ умный врачь его Кэне и другіе философы предполагали такія гнусныя намѣренія. Сіи люди окружали его безпрестанно—такъ, что въ послѣднія двадцать лѣтъ его царствованія, въ ежедневныхъ разговорахъ, коими онъ меня удостоивалъ, я почти всегда долженъ былъ оспаривать, прибавляетъ Бертень, то ложное мнѣніе, которое внушали ему непрошенные попечители образованія народнаго.“

Между тѣмъ, какъ во дворцѣ короля тайные друзья и соучастники революціонной философіи вырывали школы народныя изъ рукъ епископовъ и священниковъ и на счетъ же короля старались устроивать заведенія, разрушающія его власть и значеніе, Гельвецій получаетъ письмо отъ мнимаго Жана Патурелля, нѣкогда бывшаго Іезуитомъ, въ которомъ преподаются наставленія, какъ заразить на-

родъ революціоннымъ ядомъ чрезъ посредство школъ, независимыхъ отъ священниковъ. Отецъ Патурелль или точнѣе Волтеръ подъ его именемъ, между прочимъ писалъ: „на мѣсто христіанскаго педагога и какого нибудь молитвенника, на мѣсто этихъ книгъ, которыя столько наставляли людей въ благочестіи, являются теперь небольшія философическія (т. е. матеріалистическія) сочиненія, разсылаемыя повсюду. Эти небольшія сочиненія быстро слѣдуютъ одно за другимъ, ихъ не продаютъ, а предоставляютъ вѣрнымъ людямъ для раздачи молодымъ женщинамъ и юношамъ. Въ числѣ ихъ разговоръ пятидесятый, приписанный королю прусскому, или отрывокъ изъ завѣщанія несчастнаго священника Жана Меліера, который, умирая, просилъ у Бога прощенія въ томъ, что онъ училъ христіанскому закону; или, наконецъ, незнаю какой-то *катихизисъ* (самая безнравственная книга) *честнаго человѣка*, составленный Аббатомъ Дюраномъ (т. е. самимъ же Вольтеромъ) (lettr. à Helvetius 2 août. 1763).

Вслѣдъ за успѣхомъ при дворѣ въ завладѣніи народными школами, передовые люди тайно учредили академію для составленія книгъ и институтъ для образованія и высылки народу учителей. Эти академія и институтъ скрывались въ такомъ же мракѣ и неизвѣстности, какъ польскій центральный комитетъ въ Варшавѣ. Едва успѣли разоблачить ихъ существованіе, когда уже дѣйствія ихъ сдѣлались слишкомъ очевидны. Письмо Вольтера къ маркизу Вилевиллю ясно показываетъ, какъ тогдашніе передовые люди старались прятаться назади и не давать знать о своемъ существованіи и своихъ намѣреніяхъ. „Нѣтъ, любезный другъ, говоритъ Вольтеръ своему маркизу,— нѣтъ! нынѣшніе сократы не будутъ пить ядовитой отравы. Аѳинскій Сократъ, между нами будь сказано, былъ очень неблагоразумный человѣкъ, самый несносный упрямецъ, который нажилъ себѣ тысячу непріятелей и весьма неудачно противился своимъ судьямъ. Наши философы гораздо умнѣе и искуснѣе. Они не заражены тѣмъ глупымъ и опаснымъ самолюбіемъ, чтобы украшать свои сочиненія своими именами. Невидимыя руки стрѣлами истины

гонятъ фанатизмъ (т. е. религію и патріотизмъ) отъ одного края Еропы до другаго" (lettr. a Vileville 20 Dec. 1768). Это было писано въ похвалу уже составившагося литературнаго кружка, или Академіи. А вотъ письмо объ его учрежнія (20 Avr. 1761. an. à D' Alambert):" пусть философы учредятъ братство подобное франкъ - масонскому, пусть они соберутся и будутъ согласны, вѣрны своему обществу; тогда я готовъ умереть за нихъ. Такая тайная академія будетъ лучше Аѳинской и всѣхъ парижскихъ." Такой литературный кружекъ былъ составленъ. Пятнадцать членовъ его можно поименовать,—то были: Вольтеръ, Даламбертъ, Дидеротъ, Гельвецій, Тюрго—извѣстный министръ и писатель, Кондорсе, Лагарпъ—авторъ Ликея, канцлеръ Ламоаньонъ, Домилавиль, Тиріо, Сорень, графъ Д' Аржантань, Гримъ, баронъ Гольбахъ и егермейстеръ Леруа, секретарь этой ужасной академіи. Леруа открылъ объ ея существованіи. Это было слѣдующимъ образомъ:

Около половины сентября 1789 года, т. е. недѣли за двѣ до жестокостей 5 и 6 октября,—въ то время, когда уже было видно, что Національный Конвентъ, повергнувъ народъ въ ужасы революціи, не полагалъ границъ своимъ требованіямъ, г. Леруа, секретарь тайной академіи, егермейстеръ его величества короля и академикъ, обѣдалъ у г. Дангевалье, смотрителя надъ королевскими зданіями. Разговоръ, по обстоятельствамъ того времени, непримѣтно зашелъ о бѣдствіяхъ, произведенныхъ уже революціей и имѣющихъ еще послѣдовать. Когда встали изъ-за стола, то одинъ собесѣдникъ сдѣлалъ дружескій упрекъ Леруа, говоря: „вотъ, мосье, плодъ вашей философіи!„ Пораженный этими словами Леруа вскричалъ, „Ахъ, кому вы говорите? я это слишкомъ много знаю, и умру отъ того съ горести и раскаянія. При словѣ раскаянія его спросили, не ужели онъ помогалъ революціи, когда можетъ себѣ дѣлать столь сильные упреки?"—Такъ, отвѣчалъ Леруа, я помогалъ ей и болѣе, нежели самъ желалъ; я былъ секретаремъ того общества, которое произвело этотъ ужасный переворотъ; но, клянусь Богомъ, я никогда не воображалъ, чтобъ сіи люди дошли до такой степени разврата. Вы знаете, что я въ службѣ

короля, знаете, какъ я люблю и уважаю его особу. Я совсѣмъ не думалъ соблазнять его подданныхъ, и умру теперь отъ горести и раскаянія.

Будучи убѣждаемъ обнаружить это тайное общество, никому неизвѣстное, академикъ продолжалъ: „Это общество было родъ клуба, составленнаго изъ философовъ и литераторовъ, куда мы допускали только тѣхъ, въ которыхъ совершенно были увѣрены. Собранія наши, обыкновенно, были у барона Гольбаха.“—Все это объясненіе онъ прерывалъ вздохами и рыданіями и наконецъ присовокупилъ въ глубокомъ раскаяніи: „Вотъ наши занятія: мы издали большую часть книгъ. писанныхъ давно уже, какъ вамъ извѣстно, противъ религіи, нравовъ и правительства. Всѣ они сочинены были членами общества, или по приказанію его. Прежде нежели отдавали ихъ въ печать, присылали въ нашъ департаментъ. Тутъ мы ихъ пересматривали, перемѣняли, смотря по тому, какъ требовали того обстоятельства. Когда наша философія обнаруживалась слишкомъ много для настоящаго времени, или для предмета какойлибо книги, то мы прикрывали это таинственною завѣсою. Когда же намъ казалось, что можно распространиться далѣе, то мы говорили яснѣе, словомъ—мы заставляли нашихъ писателей говорить, что намъ было угодно. Потомъ сочиненіе выходило въ свѣтъ подъ заглавіемъ и именемъ, изобрѣтенными нами для сокрытія того, отъ кого оно происходило.

„Одобривъ всѣ такія книги, мы печатали ихъ сперва на тонкой бумагѣ столько, чтобы вознаградить употребленныя на то издержки; а потомъ выдавали безчисленное множество экземпляровъ на простой дешевой бумагѣ. Эти послѣднія мы посылали къ разнощикамъ или книгопродавцамъ, которые, получая ихъ даромъ, обязаны были разносить, разсылать и продавать народу самою низкою цѣною. Вотъ что перемѣнило этотъ народъ, вотъ что довело его до такой степени развращенія; но недолго я его буду видѣть—и умру отъ горести и раскаянія“.

Нвчальникомъ учительскаго Института былъ Даламбертъ. Онъ, кромѣ того, имѣлъ корреспондентовъ въ областяхъ и внѣ государства. Когда открывалось мѣсто про-

фессора въ университетѣ или учителя школы въ деревнѣ, тогда разсѣянные адепты революціи старались тотъ часъ увѣдомить Даламберта и его сообщниковъ о праздныхъ мѣстахъ и о людяхъ, способныхъ занять оныя, такъ же о тѣхъ, которыхъ надлежало устранить по ихъ видамъ. Даламбертъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы доставить праздныя учительскія мѣста своимъ адептамъ, приверженцамъ матеріализма, предписывалъ, какъ имъ вести себя, указывалъ правила большей или меньшей осторожности, какую посланные имъ должны были соблюдать, судя по мѣстнымъ обстоятельствамъ и успѣхамъ распространившейся тамъ безбожной системы.

При такомъ систематическомъ дѣйствіи передовыхъ кружковъ на народныя школы, вырванныя изъ непосредственнаго завѣдыванія духовенствомъ, контроль за ихъ направленіемъ сдѣлался совершенно невозможнымъ. Искра долго раздуваема была въ тайнѣ и явилась заревомъ пожара, котораго уже невозможно утушить и котораго истребляющая сила сокрушала всякія преграды.

Можно только нѣсколько характеризовать состояніе школъ народныхъ, подъ вліяніемъ и управленіемъ людей прогресса. Для этого укажемъ на три случая, изъ которыхъ одинъ открытъ министромъ Бертенемъ, другой священникомъ эмбрюнскаго прихода, а третій столяромъ ліежскимъ.

Бертень, рѣшась доказать государю, что его обманываютъ, старался пріобрѣсть довѣріе букинистовъ, которые скитаются по деревнямъ и селамъ, заходятъ иногда и къ помѣщикамъ и всѣмъ выхваляютъ свой товаръ. Товаръ ихъ, какъ извѣстно, составляютъ книги. Бертень подозрѣвалъ въ букинистахъ агентовъ революціонеровъ и когда ѣздилъ въ деревню, старался сблизиться съ ними. Однажды они предлагали ему купить книгъ. „Да какія у васъ могутъ быть книги?“ сказалъ онъ имъ. „Вѣрно катихизисы, или молитвенники! вѣдь другихъ и не читаютъ въ деревняхъ“. Тутъ примѣтилъ онъ, что нѣкоторые изъ нихъ стали улыбаться. „Нѣтъ, отвѣчали они, такихъ книгъ у насъ нѣтъ. Мы получаемъ больше прибыли отъ книгъ Волтера, Дидерота и другихъ философовъ“. „Какъ? спрашивалъ

онъ, крестьяне покупаютъ Волтера и Дидерота, да гдѣ же они берутъ деньги на такія дорогія книги?“—Букинисты отвѣчали единодушно: „мы отъ этихъ книгъ выигрываемъ болѣе, нежели отъ молитовниковъ; намъ можно отдать книгу за десять су, и при всемъ томъ мы получимъ хорошій барышъ.„—Бертень сталъ ихъ распрашивать подробнѣе, какъ возможны для нихъ барыши, и они признались, что эти книги ничего имъ не стоятъ, что получаютъ ихъ цѣлыми кипами, не зная сами откуда, и имѣютъ предписаніе продавать ихъ самою умѣренною цѣною.

За нѣсколько лѣтъ до французской революціи одинъ священникъ Эмбрюнскаго прихода имѣлъ частые споры съ учителемъ школы въ своемъ приходѣ. Онъ называлъ учителя подлымъ развратителемъ юношества, потому что доставлялъ ему книги, противныя нравственности, религіи и правительству. Помѣщикъ того села, покровительствующій адептовъ революціи, поддерживалъ учителя,—и добрый пасторъ долженъ былъ принесть свою жалобу архіепископу. Саламбертъ, генералъ викарій въ Ангюэнѣ, которому поручено было разсмотрѣть это дѣло, потребовалъ къ освидѣтельствованію библіотеку учителя, и нашелъ, что она наполнена книгами, дѣйствительно вредными для нравственности и государства. Учитель не только не запирался, что пользовался этими книгами, но откровеннымъ, увѣрительнымъ тономъ говорилъ, что слышалъ объ этихъ книгахъ великія похвалы и не можетъ дать ученикамъ своимъ лучшихъ сочиненій. Онъ еще присовокупилъ, какъ и коробочные разносчики, что ему и не нужно было покупать эти книги, и что онъ получаетъ ихъ въ большемъ количествѣ, самъ не зная откуда.

За милю отъ Ліежа и въ окрестныхъ селеніяхъ коварные учители исполняли свою миссію съ такимъ успѣхомъ, что превзошли самыя смѣлыя ожиданія своихъ покровителей и руководителей. Въ назначенные дни и часы они собирали ремесленниковъ и бѣдныхъ поселянъ, которые не умѣли читать. Во время этихъ собраній, одинъ изъ воспитанниковъ учителя громкимъ голосомъ читалъ такія книги, которыя уже испортили его самаго... Эти

сходбища, предшествовавшія революціи въ Ліежѣ, до тѣхъ поръ оставались въ неизвѣстности, пока одинъ честный набожный столяръ не открылъ помѣщику Ліежскому, что онъ засталъ родныхъ своихъ дѣтей, какъ они читали нечестивыя книги цѣлой толпѣ крестьянъ. По сему извѣстію стали дѣлать розыски по всей окружности. Многіе сельскіе учители найдены виновными въ такихъ же постыдныхъ дѣлахъ. И замѣчено, что гнусные эти учители почти не возбуждали подозрѣнія своимъ поведеніемъ, судя по наружному ихъ благочестію и притворному исполненію обязанностей вѣры. Розыски устремились далѣе; слѣды довели до самыхъ корифеевъ литературы и администраціи.

Безпрестанныя возраженія духовенства, поставлявшаго себѣ въ обязанность увѣдомлять государя и правительство объ успѣхахъ и распространеніи матеріалистическихъ воззрѣній (Les actes du clergé surtout depuis 1750), обличенія съ каѳедры и въ духовныхъ книгахъ, опредѣленія парламентовъ, преграды, которыя сами министры, тайные друзья матеріалистической системы, часто принуждены были полагать безвѣрію, чтобы не подать о себѣ подозрѣнія, не совсѣмъ оставались безъ дѣйствія. Великая революція была вдали; но тайное парижское общество воспитанія, учрежденіе сельскихъ училищъ, переписка съ сельскими учителями,—все это ее приближало. Когда въ Парижѣ низвержено было правительство, провозглашены равенство и свобода, взята была Бастилія, и курьеры были посланы въ провинціи съ этими радостными вѣстями торжествующей системы: то эти курьеры встрѣчали на всѣхъ дорогахъ толпы возмущеннаго народа, уже шедшаго къ Парижу, приготовленнаго завоевать силою и разбоемъ дорогое равенство. Бертенъ, подъ конецъ жизни Людовика XV, успѣлъ было раскрыть ему глаза и показать истину прежнихъ своихъ предостереженій; но Людовикъ XV, будучи самъ" замѣчательнымъ практичестимъ философомъ" (От. зап. 1843 г. Люд. XV и его вѣкъ), уже мало обращалъ на то вниманія; ему и его сыну пришлось испытать гибельныя послѣдствія его пренебреженій.

Основатели тайныхъ матеріалистическихъ учрежденій

для образованія народа не видѣли своими глазами послѣдствій своей системы, распространенной въ народѣ, но они часто выражали надежду на успѣхъ. Такъ Даламбертъ писалъ къ Вольтеру, что философію т. е. матеріализмъ, хотя и можно поразить, но побѣдить никогда не удастся (Lettr, 25 Juin 1776). Еще прежде Вольтеръ писалъ: „Свѣтъ такъ хорошо образовался, что уже со всѣхъ сторонъ можно предвидѣть великую въ умахъ революцію (lettr. 143); а Кондорсе выразился даже, что философія (т. е. матер.) въ странахъ сѣвера снисходила даже въ университеты (Preface à son edition des pensées de Pascal). Такъ то были скромны философы—матеріалисты—педагоги, назадъ тому сто лѣтъ. Нынѣшніе французскіе философы, если не хвалятся своими успѣхами; то никакъ не могутъ похвалиться скромностію. Они открыто говорятъ, что „борьба между христіанствомъ и философіею отнынѣ кончена. Продолжать борьбу—значило бы напрасно преслѣдовать побѣду. Философія тиранствуетъ надъ христіанствомъ (Encyclopedie Nouvelle. Art. christianisme); а педагоги въ родѣ Прудона учатъ, что первый долгъ образованнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы постоянно изгонять изъ своего ума и своей совѣсти всякую мысль о Богѣ (La Raison Philosophique et Raison catholique V. R. an 1856 t. 2. pag. 198). При постоянной оппозиціи философіи общественной нравственности, политическому устройству и религіи, во Франціи почувствовали необходимость освободить народныя школы отъ вліянія людей съ философическимъ, или что тоже матеріалистическимъ, направленіемъ, и нашли необходимымъ, въ видахъ религіозно-нравственнаго образованія народа, подчинить народныя школы завѣдыванію духовенства. Оно не только намѣренно не внесетъ въ народъ, связанный съ нимъ тѣснѣйшими узами вѣры, правилъ нечестія, но отстранитъ всякіе соблазны и заблужденія, и поддержитъ въ немъ чистыя правила доброй нравственности, уваженіе къ закону, преданность къ монархіи. Напрасно матеріализмъ старается заподозрить его въ послѣднемъ отношеніи. Приверженность къ царствующей французской династіи сохранялась особенно въ духовен-

ствѣ при разгарѣ первой революціи, хотя и тогда старались представить духовенство въ другомъ видѣ. Это подтверждаютъ слова Маріи Антоанетты, несчастной супруги Людовика VI, когда въ разгарѣ революціи, окруженная измѣнниками и убійцами, она горестно вскричала: О какъ мы были обмануты! теперь мы ясно видимъ, какъ священники отличаются между вѣрными подданными государя!“

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ДУХОВНЫЙ ДНЕВНИКЪ"

съ января 1864 года

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ, ПО БЛАГОСЛОВЕНІЮ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѴНОДА, ПРИ ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

По главной цѣли своей—быть душеспасительнымъ и религіозно-наставительнымъ чтеніемъ—какъ для приходскаго духовенства, такъ и для православныхъ прихожанъ, Духовный Дневникъ будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

отдѣлъ I. Сводъ библейскаго ученія о томъ или другомъ предметѣ по требованіямъ духовныхъ нуждъ православныхъ христіанъ. Краткія выписки изъ твореній св. Отцевъ и учителей вселенской и отечественной Церкви, преимущественно относящіяся къ нравоученію и христіанской педагогикѣ.

отдѣлъ II. Краткія поученія, простыя и приспособленныя къ особенно замѣтнымъ духовнымъ нуждамъ и обстоятельствамъ православныхъ христіанъ. Назидательныя размышленія. Описаніе разныхъ особенныхъ, поучительныхъ и поразительныхъ случаевъ изъ жизни христіанъ-прихожанъ. Опыты дѣйствія проповѣди Слова Божія и Таинствъ. Богоугодные подвиги. Примѣры благочестія и под. Вопросы и отвѣты въ разрѣшеніе недоумѣній по обязанностямъ приходскихъ пастырей и по духовнымъ нуждамъ пасомыхъ. Взаимная корреспонденція приходскихъ священниковъ по симъ предметамъ. Духовные совѣты и проч.

отдѣлъ III. Здѣсь найдутъ мѣсто археологическія изслѣдованія о Богослуженіи нашей Православной Церкви, имѣющія цѣлію, дознаніемъ священной древности нашихъ

священнослуженій, возбудить въ читателяхъ чувство благоговѣнія къ нимъ. Изъясненіе церковныхъ службъ, какъ въ полномъ ихъ составѣ, такъ и въ отдѣльныхъ священнодѣйствіяхъ, въ особенности тѣхъ чинопослѣдованій и обрядовъ, совершеніе которыхъ будетъ совпадать со временемъ выхода журнала. Обличеніе суевѣрій, которыя простой народъ соединяетъ съ извѣстными праздниками. Взгляды на образъ поведенія въ тотъ или другой праздничный день.

отдѣлъ IV. Полезныя для ревнующихъ о благочестіи мысли, изреченія, свѣдѣнія, библіографическія указанія на вновь выходящія книги, особенно замѣчательныя по своему направленію.

Приложеніе къ журналу, съ особою нумераціею листовъ, собственно для подписчиковъ Харьковской епархіи, будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

а) *Епархіальное управленіе*. Начальственное распоряженія по духовному вѣдомству, какъ важнѣйшія общія, такъ и частныя епархіальныя требованія, вызовы, приглашенія, объявленія и проч.

и б) *Епархіальная статистика*. Нравы и обычаи отдѣльныхъ мѣстностей или приходовъ, господствующія въ нихъ добродѣтели и нравственные недостатки; сравненіе современнаго нравственно-религіознаго состоянія прихожанъ съ прежнимъ; грамотность, благочестивые обычаи и обряды, крестные ходы, исторія ихъ и проч.; описаніе всего достопримѣчательнаго въ епархіи въ религіозномъ отношеніи. Извлеченіе изъ книгъ, вѣдомостей и отчетовъ по разнымъ мѣстамъ епархіальнаго управленія.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно листами: по общимъ отдѣламъ будетъ выходить въ количествѣ двухъ печатныхъ листовъ, а по отдѣламъ *Приложенія* не менѣе одного листа въ недѣлю.

Цѣна годовому изданію, съ пересылкою и доставкою, безъ *Приложенія*—4 р., а съ Приложеніемъ—5 р. Слѣдовательно желающіе могутъ выписывать или одинъ журналъ, или одно Приложеніе, или тотъ и другое по означеннымъ цѣнамъ.

Подписка принимается въ Редакціи Духовнаго Дневника при Харьковской Семинаріи и у мѣстныхъ Благочинныхъ Харьковской епархіи.

Гг. иногородные благоволятъ для подписки относиться исключительно въ Редакцію, адресуя пакеты, безъ всякихъ другихъ обозначеній, просто: Въ редакцію журнала „Духовный Дневникъ,“ въ Харьковѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на требованіяхъ своихъ подписывая ясно и четко свое званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

Редакція Духовнаго Дневника покорнѣйше проситъ всѣхъ образованныхъ лицъ, особенно духовенство Харьковской Епархіи, присылать, для помѣщенія въ Духовномъ Дневникѣ, свои статьи, соотвѣтственныя содержанію вышепрописанной программы.

ДУХОВНАЯ БЕСѢДА

и въ будущемъ 1864 году

будетъ издаваться тою же редакціей, по той же программѣ. Программа ея, утвержденная Святѣйшимъ Сvнодомъ, состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой помѣщаются литературныя статьи по всѣмъ отраслямъ православно-христіанской науки и жизни. Вторая часть состоитъ изъ пяти отдѣловъ. Въ первой помѣщаются оффиціальныя извѣстія, назначаемыя къ обнародованію Святѣйшимъ Сvнодомъ, правительственныя узаконенія и распоряженія: во второмъ отдѣлѣ заключаются свѣдѣнія и распоряженія по новгородско-с.-петербургской митрополіи. Въ третьемъ— извѣстія о христіанскихъ исповѣданіяхъ, не принадлежащихъ къ православной Церкви. Въ четвертомъ свѣдѣнія духовно-литературныя. Въ пятомъ смѣсь. Цѣна журнала остается прежняя: три рубля 50 копѣекъ безъ пересылки, четыре рубля съ пересылкою и доставкою.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Вышла и поступила въ продажу книга: „*Въ защиту русскаго православнаго духовенства отъ современныхъ обвиненій и нареканій*". Соч. экстра-ординарнаго профессора с.-петербургской духовной академіи *Андрея Предтеченскаго*. 1863 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Требованія на означенную книгу можно адресовать въ канцелярію правленія с.-Петербургской духовной академіи. Здѣсь же можно получить книгу того же автора: „*О необходимости священства противъ безпоповцевъ*. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

въ 1864 году.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться и въ наступающемъ 1864 г. съ 1-го января. Слѣдуя тойже программѣ, утвержденной св. Сѵнодомъ, они будутъ состоять изъ двухъ частей: самихъ *Вѣдомостей* и *Прибавленій* къ нимъ.

Кіевскія Епархіальныя вѣдомости будутъ выходить, какъ и прежде, два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го чиселъ, выпусками отъ $1^1/_2$ до 2-хъ листовъ.

Цѣна остается прежняя, т. е. съ пересылкою и безъ пересылки *три рубля* серебромъ.

Подписка принимается въ Кіевѣ: 1) въ кіевской духовной консисторіи, 2) у редактора, протоіерея П. Лебединцева, на Старомъ Кіевѣ, подлѣ Златоустовской церкви, и 3) въ книжномъ магазинѣ С. И. Литова—на крещатикѣ

Иногородные подписчики благоволятъ адресоваться такъ: Въ *редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ Кіевъ,* означая званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 27 октября 1863 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ*.

Въ Университетской типографіи.